

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т В О С Т О К О В Е Д Е Н И Я

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1972

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Редакционная коллегия

А. Н. Кононов (ответственный редактор),
С. Г. Кляшторный, Ю. А. Петросян, С. С. Цельникер

Г $\frac{0162-2086}{042(02)-73}$ 171-73

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК. 1972

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Л. С. Ефимова*. Младший редактор *Р. Г. Канторович*. Художественный редактор *И. Р. Бескин*. Технический редактор *Л. Ш. Бергславская*.
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *М. З. Шафранская*

Сдано в набор 26/XII 1972 г. Подписано к печати 12/VI 1973 г. А-06801. Формат 60 × 90^{1/16}. Бум. № 1. Печ. л. 25,75 + 0,375 п. л. вкл. Уч.-изд. л. 27,1. Тираж 1800 экз. Изд. № 2955. Зак. № 1390. Цена 2 р. 82 к.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

*Памяти
Платона Михайловича
Мелиоранского
посвящается*

«П. М. Мелиоранский умер молодым, можно сказать, только еще начав свою научную карьеру, но и то, что он успел сделать, дает ему несомненное право на видное место в истории туркологии».

А. Н. Самойлович

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии	6
А. Н. Кононов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и отечественная тюркология	7

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Э. Р. Тенишев (Москва). П. М. Мелиоранский — языковед	18
А. М. Щербак (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение памятников тюркской письменности	24
А. И. Попов (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение тюркизмов в русском языке	35
Г. Ф. Благова (Москва). П. М. Мелиоранский и изучение тюркской топонимии	51
Д. М. Насилов (Ленинград). О лингвистическом изучении памятников тюркской письменности	62
В. Г. Гузев (Ленинград). Краткий обзор исследований по языку тюрков Малой Азии XIII—XVI вв.	69
Г. Ф. Благова (Москва). Вариантные заимствования <i>тюрк</i> ~ <i>тюрк</i> и их лексическое обособление в русском языке (К становлению обобщающего имени тюркоязычных народов)	93

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

В. М. Жирмунский (Ленинград). П. М. Мелиоранский и изучение эпоса «Едигей»	141
А. Н. Самойлович (Ленинград). Вариант сказания о Едигее и Тохтамыше, записанный Н. Хакимовым	186
<i>Приложение к статье А. Н. Самойловича</i>	
Ф. Т. Валеев (Казань). С. М. Зайнитдинов	212
Л. В. Дмитриева (Ленинград). Рукопись работы П. А. Фалева об эпосе «Едигей» в Архиве востоковедов Института востоковедения АН СССР	213
И. В. Стеблева (Москва). О стабильности некоторых ритмических структур в тюркоязычной поэзии	2
Н. С. Смирнова (Алма-Ата). Казахские пословицы, записанные и опубликованные П. М. Мелиоранским	231
Л. Ю. Тугушева (Ленинград). Поэтические памятники древних уйгуров	235

ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Древнетюркская письменность и культура народов Центральной Азии (по материалам полевых исследований в Монголии, 1968—1969 гг.) 254
- Л. П. Потапов* (Ленинград). Умай — божество древних тюрков в свете этнографических данных 265
- С. М. Абрамзон* (Ленинград). Формы семьи у дотюркских и тюркских племен Южной Сибири, Семиречья и Тянь-Шаня в древности и средневековье 287
- Ф. Х. Арсланова* (Усть-Каменогорск), *С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Руническая надпись на зеркале из Верхнего Прииртышья 305
- А. Д. Грач* (Ленинград). Вопросы датировки и семантики древнетюркских тамгообразных изображений горного козла
- С. Г. Кляшторный* (Ленинград). Монета с рунической надписью из Монголии 334
- Л. Г. Савинов* (Ленинград). Этнокультурные связи населения Саяно-Алтая в древнетюркское время 339
- Ю. И. Трифонов* (Ленинград). Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени (в связи с вопросом о структуре погребального обряда тюрков-тугю) 351
- Р. А. Гусейнов* (Баку). Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье 375
- А. Д. Новичев* (Ленинград). Гюльханейский хатт-и шериф 1839 г. и его внешнеполитический аспект 382
- Список трудов П. М. Мелиоранского и литературы о нем 395
- Список сокращений 401

ХРОНИКА

- В. Г. Гузев, Н. А. Дулина, Л. Ю. Тугушева* (Ленинград). Третья тюркологическая конференция 403

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ НАСЕЛЕНИЯ САЯНО-АЛТАЯ В ДРЕВНЕТЮРКСКОЕ ВРЕМЯ

В VIII—IX вв. Южную Сибирь населяли различные народы. Некоторые из них сыграли ведущую роль в истории Центральной Азии в эпоху раннего средневековья: древние тюрки, енисейские кыргызы, местные телеские племена Тувы и Алтая. Отношения между ними можно рассматривать в трех связанных между собой аспектах: политическом (отношения между государствами древних тюрков и кыргызов), этническом (определение степени родственности населения в пределах этих государств) и культурно-генетическом (сходство и различие комплексов материальной культуры в различных областях Саяно-Алтая). Два последних аспекта определяются вместе как проблема этнокультурных связей населения Саяно-Алтая в древнетюркское время.

В политическом отношении государства древних тюрков и кыргызов на протяжении всей истории оставались практически независимыми, хотя борьба между ними часто принимала острые формы. «Больше всего был нашим врагом киргизский сильный каган»,— сказано в памятнике в честь Тоньюкука¹. Тюркские каганы неоднократно ходили через Кёгменскую чернь (Западные Саяны) в страну кыргызов, спускались по воде или через перевалы, где был «снег глубиной в копьё», разбивали их и оставляли своего наместника, «говоря: „пусть не останется без хозяина страна Кёгменская“»². После этого устанавливались, очевидно, другие дипломатические отношения. «Тукюесский дом выдавал своих дочерей за их (кыргызов.— Д. С.) старейшин»³, и посланники кыргызов в качестве «плачущих и стонущих» неизменно присутст-

¹ С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М., 1951, стр. 66.

² Там же, стр. 39.

³ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, 1950, стр. 354.

вовали при похоронах знаменитых тюркских каганов — Бумыня, Истеми и Кюль-тегина, хотя последний незадолго до этого принимал деятельное участие в разгроме ставки кыргызов. Кратковременные походы, подобные походу 710 г., кончавшиеся разгромом ставки и смертью непокорного кагана, не могли отразиться на этническом составе и культуре воюющих сторон.

Для понимания этого явления существенное значение имеет правильное представление о соотношении политических границ государства тюрков и кыргызов и этнических контуров населения собственно Саяно-Алтая. По карте С. В. Киселева государство кыргызов расположено на территории современной Хакассии, в то время как тюркские каганаты простираются от Аральского моря до Дальнего Востока⁴. Такая пропорция противоречит свидетельству *Тан-шу*, где сказано: «Хягас было сильное государство, по пространству равнялось тукюесским»⁵. Здесь же приводятся фактические данные о его пределах: на восток — до Прибайкалья (страна курыкан), на юго-запад — до Алтая (страна карлуков). Северная граница, как полагает Л. Н. Гумилев, проходила в районе Красноярска, где оно граничило с бома⁶. На всех этих территориях вплоть до Томска встречаются археологические памятники древних кыргызов⁷. В качестве естественной южной границы источниками называют Западные Саяны (Кёгменская чернь) или хребет Танну-Ола (Таньмань), простирающийся от Южного Алтая до Косогола⁸. Собственно кыргызы жили, безусловно, за Саянами, а южнее, на территории современной Тувы, до Танну-Ола, селились какие-то телеские племена, чики и азы, известные из древнетюркских надписей. Их-то в первую очередь покоряли тюрки, приходящие из Монголии; сначала азов, затем чиков, а уж потом, перевалив через Саяны, кыргызов. Основная территория расселения древних тюрков находилась в Монголии, и поэтому южная граница кыргызов в этническом отношении не являлась одновременно северной границей тюрков. Это положение подтверждается анализом археологических материалов и в первую очередь погребальным обрядом

⁴ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, табл. XLVII.

⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 354.

⁶ Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, М., 1967, стр. 264.

⁷ Восточнее Минусинской котловины памятники кыргызов пока не найдены, и принадлежность прибайкальских районов кыргызам представляется сомнительной.

⁸ Н. В. Кюнер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 57.

саяно-алтайских племен древнетюркского времени как наиболее стойким этническим признаком.

Исконным обрядом погребения у древних тюрков и кыргызов письменные источники называют трупосожжение. Кыргызы «сжигают покойника и берут его кости, когда пройдет год, тогда делают могильный холм»⁹. Тюрки также «в избранный день берут лошадь, на которой покойник ездил, и вещи, которые он употреблял, вместе с покойником сжигают, собирают пепел и зарывают в определенное время в могилу»¹⁰. Обряд трупосожжения у кыргызов можно рассматривать как местное явление, основанное еще на позднетагарской и таштыкской традициях.

В Туве и на Алтае в предтюркское время сожжение покойника никогда не практиковалось. Очевидно, обычай трупосожжения был принесен сюда тюрками из района их первоначального расселения, который, видимо, включал в первую очередь Монгольский Алтай и Восточный Туркестан.

Ранние тюркские погребения с трупосожжением, с документально зафиксированными находками кальцинированных костей были исследованы А. Д. Грачом в Юго-Западной Туве¹¹. В обоих тувинских комплексах обращает на себя внимание нахождение остатков трупосожжения не непосредственно в оградках, где установлены поминальные стелы, а в стороне, в отдельных кольцевых выкладках. Это соответствует тому, что говорится в известных строчках из *Тан-шу*: «В здании, построенном при могиле, ставят нарисованный облик покойного и описание сражений, в которых он находился в течение жизни»¹². Если рассматривать оградку как упрощенную проекцию храма типа комплекса Кюль-тегина («здание»), изваяние — как «нарисованный облик покойного», а надпись на стеле — как «описание сражений», то само захоронение следует искать не в оградке при изваянии, а в стороне. Больше всего памятников, содержащих тюркские трупосожжения, должно находиться на территории Монголии, к сожалению, очень слабо изученной в археологическом отношении. Затем они проникают в Южную Туву, на Алтай и спорадически появляются в Минусинской котловине¹³.

⁹ Там же, стр. 60.

¹⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 230.

¹¹ А. Д. Грач, Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии, — сб. «История, археология и этнография Средней Азии», М., 1968, стр. 207—214.

¹² Liu Mau-t sai, Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte des Ost-Türken (Tu-küe), Bd I, Wiesbaden, 1958, стр. 9, 42.

¹³ На это указывают многочисленные находки здесь древнетюркских каменных изваяний (М. П. Грязнов, Минусинские каменные бабы в связи с некоторыми новыми материалами, — СА, 1950, XII, стр. 128—156).

В начале VII в. (628 г.) китайскими письменными источниками отмечена смена обряда погребения у древних тюрков: вместо сожжения покойника — труположение с конем. В связи с этим император Тайцзун обвинял тюрков в нарушении традиции, забвении обычаев предков, что и было, по его мнению, одной из причин гибели первого каганата¹⁴. Однако еще и в 634 г. каган Хели, а затем и его племянник Хэлоху были «по кочевому обычаю» сожжены¹⁵.

Это несоответствие, на которое уже неоднократно обращалось внимание¹⁶, является ключевым для понимания всей древнетюркской эпохи. Если тюрки действительно полностью сменили обряд погребения в начале VII в. и сожжение Хели было последним захоронением подобного рода, то вся масса погребений с конем от Тянь-Шаня до Монголии должна иметь тюркскую этническую принадлежность¹⁷. Если тюрки Ашина продолжали сжигать своих знатных покойников и после 630 г., о чем свидетельствует опять же способ захоронения Хели, то погребения с конем могут быть связаны и с другими этническими группами¹⁸. С этой точки зрения интересно, что большинство древнетюркских каменных изваяний, несомненно каким-то образом связанных с обрядом трупосожжения, по имеющимся на них реалиям относится к VIII, а некоторые и к IX в.¹⁹.

Сопроводительное положение коня у алтайских племен известно начиная со скифского времени, получает наибольшее распространение в древнетюркское время и доживает практически до современности. Если придерживаться первоначальной локализации древних тюрков Ашина только в Горном Алтае, то смену обряда погребения в начале VII в. следовало бы рассматривать не как нарушение, а как восстановление прежней традиции, что противоречит сведениям письменных источников.

Исторически более оправданно не определение погребений с конем как исключительно древнетюркских памятников, а, наоборот, противопоставление тюркских сожжений и местного саяно-алтайского обычая сопроводительного захороне-

¹⁴ Liu Mau-tsai, Die chinesischen Nachrichten, стр. 203.

¹⁵ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 256.

¹⁶ Подробно об этом см.: С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории древнетюркской культуры, — СЭ, 1966, № 3, стр. 61.

¹⁷ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, М., 1969, стр. 18.

¹⁸ С. И. Вайнштейн, Некоторые вопросы истории, стр. 61; Л. Н. Гумилев, Древние тюрки, стр. 260—261.

¹⁹ Л. А. Евтюхова, Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии, — «Материалы и исследования по археологии Сибири», — т. I, М., 1952 (МИА, № 24), стр. 65—68.

ния коня. Зафиксированная письменными источниками смена обряда у древних тюрков, очевидно, отражает своего рода варваризацию населения окраин древнетюркского государства при сохранении обычая трупосожжения в элите этого общества. В Монголии это погребальные комплексы тюркских каганов рода Ашина, в Южной Сибири — оградки с изваяниями, принадлежащие, скорее всего, знатным воинам или представителям тюркской администрации в северных районах каганата.

Погребения с конем скорее относятся к местным телеским племенам, силами которых тюрки «геройствовали в пустынях севера»²⁰. Отсюда столь широкое распространение их в Южной Сибири, Казахстане и Средней Азии. Трудно предположить, что по всей этой огромной территории практически одновременно произошла смена погребального обряда и, следовательно, все погребения с конем являются тюркскими.

Наиболее ранние погребения с конем можно отнести к VI в. В Горном Алтае это ранний комплекс Кудыргэ, где в одной из могил найдена монета 575—577 г.²¹. Здесь же имеются погребения без коня и отдельное захоронение коня.

В степном Алтае раннетюркские памятники до недавнего времени известны не были. В 1970 г. в пределах большого средневекового могильника в местечке Осинки около дер. Камышенка Усть-Пристанского района Алтайского края было раскопано несколько таких могил²². Все погребения в неглубоких ямах, положение покойника — на спине, головой на северо-запад. В Туве, как пишет Л. Р. Кызласов, памятников, «непосредственно относящихся к VI веку (типа алтайского могильника Кудыргэ), пока не обнаружено, но, вероятно, они будут открыты»²³. Тем не менее в Туве есть, очевидно, погребение VI в.²⁴ и, бесспорно, VII в.²⁵.

Отдельные погребения, совершенные по обряду погребения с конем, появляются и в Минусинской котловине. В 1928 г. С. В. Киселев раскопал несколько колец в преде-

²⁰ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений, стр. 301.

²¹ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен, М.—Л., 1965, стр. 26, табл. XXI.

²² Раскопки палеознатографического отряда Алтайской этнографической экспедиции ЛГУ под руководством автора этих строк.

²³ Л. Р. Кызласов, История Тувы в средние века, стр. 18.

²⁴ А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге и исследования в Центральной Туве,— «Труды ТКЭАН», М.—Л., 1960, т. I, стр. 33—36.

²⁵ С. И. Вайнштейн, Памятники второй половины I тысячелетия в Западной Туве,— «Труды ТКЭАН», М., 1966, т. II, стр. 293—334.

лах могильников Усть-Тесь и у села Кривинское²⁶. При одинаковой конструкции намогильных сооружений здесь были обнаружены захоронения, совершенные по различным обрядам, — трупосожжение, одиночное трупоположение и трупоположение с конем. В погребениях с трупосожжениями найдены таштыкские вещи (маски, керамика) и кости лошади. В погребениях с конем — керамика таштыкского облика, квадратные пряжки с кнопкой (возможно, это остатки обломанного язычка) и вещи кудыргинского типа. В одиночных могилах — кости разрубленных баранов и таштыкская керамика. В пределах одного комплекса иногда сочетались обряд трупосожжения и трупоположения. Нахождение одинаковых элементов в погребениях, различных по обряду, позволяет рассматривать вслед за С. В. Киселевым этот памятник как единовременный.

Первоначально дата могильника была определена С. В. Киселевым по таштыкским параллелям и кочевническим элементам: VI—VII вв. Впоследствии погребения с конем из Усть-Теси были включены Л. А. Евтюховой в 4-й тип минусинских погребений по ее классификации (вместе с Капчалы II и Уйбат II) и датированы VIII—IX вв.²⁷ Недавно на более раннюю дату Усть-Тесинского погребения вновь указала А. А. Гаврилова, поместив его в число памятников кудыргинского типа²⁸. К этому же времени относится одно погребение, раскопанное А. Н. Бернштамом на Тянь-Шане (Аламышик-69), где в катакомбе была похоронена женщина с бараном и конским снаряжением²⁹. А. Н. Бернштам сравнил это погребение с 4-м типом по классификации Л. А. Евтюховой и датировал его VIII—IX вв. Очевидно, что вместе с «удревнением» Усть-Тесинского комплекса датировка аламышикского погребения, действительно очень близкого к нему по составу сопроводительного инвентаря, должна быть пересмотрена.

Памятников VII—VIII вв. на территории Саяно-Алтая уже значительно больше. В Туве и на Алтае это преимущественно погребения с конем, но встречаются и одиночные погребения. Несколько позже появляются могильники, где в погребениях, совершенных по различным обрядам (трупосожже-

²⁶ С. В. Киселев, Материалы археологической экспедиции в Минусинский край в 1928 г., — «Ежегодник Государственного музея им. Н. М. Мартынова в г. Минусинске», 1929, т. VI, вып. 2, стр. 144—149, табл. V.

²⁷ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов), Абакан, 1948, стр. 60—61.

²⁸ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 58.

²⁹ А. Н. Бернштам, Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая, М.—Л., 1952 (МИА, № 26), стр. 84.

ние и труположение), находятся одинаковые вещи³⁰. Имеется несколько случаев смешанного обряда — сожжение покойника и сопроводительное захоронение коня³¹. Севернее Саян к этому времени относятся кыргызские трупосожжения типа Копенского чаа-таса и погребения с конем, продолжающие традицию Усть-Тесинского и Кривинского погребений, — могила на р. Таштык, раскопанная С. А. Теплоуховым³², Капчалы II³³ и одна могила на Уйбате (Уйбат II)³⁴.

Наиболее ранним в этом ряду является таштыкское погребение, относящееся к началу катандинского этапа по классификации А. А. Гавриловой. Положение могильника Капчалы II в общей системе памятников древнетюркского времени неоднократно обсуждалось в литературе. Л. А. Евтюхова, датируя его IX в., предполагала смену обряда у кыргызов на труположение с конем³⁵. А. Д. Грач считает их памятниками тюркских военных «гарнизонов» на Среднем Енисее³⁶. Однако ранняя дата Усть-Тесинского комплекса и промежуточное положение таштыкской могилы дают возможность рассматривать все погребения с конем в Минусинской котловине в генетическом развитии, как памятники какой-то этнической группы, жившей в Минусинской котловине вместе с кыргызами. Наиболее поздним в этом ряду представляется Уйбат II, где найдены уже плоские ромбические наконечники стрел³⁷.

Таким образом, общая картина погребальной обрядности

³⁰ М. П. Грязнов, Раскопки на Алтае, — «Сообщения ГЭ», 1940, № 1, стр. 17—21; Ф. Х. Арсланова, Бобровский могильник, — «Изв. АН Казахской ССР, серия общественных наук», 1963, вып. 4, стр. 69—72; М. Г. Елькин, Раскопки курганов позднего железного века в Кемеровской области, — сб. «Некоторые вопросы истории Западной Сибири», Томск, 1959, стр. 15—17.

³¹ Ф. Х. Арсланова, Бобровский могильник; А. Д. Грач, Археологические раскопки в Монгун-Тайге, стр. 36—40.

³² С. А. Теплоухов, Опыт классификации древних металлических культа Минусинского края, — МЭ, 1929, т. IV, вып. 2, стр. 55, табл. VII, 1.

³³ В. П. Левашова, Два могильника кыргыз-хакасов, — МИА, № 24, 1952, стр. 121—136.

³⁴ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники, стр. 61—63.

³⁵ Там же, стр. 66—67.

³⁶ А. Д. Грач, Хронологические и этнокультурные границы древнетюркского времени, — «Туркологический сборник. К шестидесятилетию А. Н. Кононова», М., 1966, стр. 191.

³⁷ Первые плоские наконечники стрел в достоверных комплексах Южной Сибири появляются не ранее середины IX в. Поэтому спорными представляются утверждения Л. Р. Кызласова о «зарождении наконечников стрел подобного типа в III в. н. э.» на основании единичной находки типологически позднего наконечника стрелы в кургане 5 мог. Джесоса (Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха, — изд-во МГУ, 1960, стр. 138—139) и реконструкция обломка железного предмета в мог. 5 Кудыргэ, как плоского наконечника стрелы (А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, табл. XI, 14).

на Саяно-Алтае в VI—VIII вв. оказывается значительно более сложной. В Минусинской котловине нет ранних — до VIII в. — сожжений, зато имеются погребения с конем и одиночные захоронения. В южной части Саяно-Алтая до IX в. продолжается традиция тюркских сожжений и местная традиция погребений с конем в среде местных (телеских?) племен.

В VIII в. появляется значительное количество погребений, совершенных по смешанному обряду, отражающих, очевидно, интенсивные этнические связи в этот период. В памятниках и Минусинской котловины³⁸, и Тувы³⁹, и Алтая⁴⁰ в одинаковых условиях найдены серебряные сосуды одних и тех же форм.

По мнению А. А. Гавриловой, могилы Копенского чаа-таса очень близки по внешнему облику к памятникам Горного Алтая (Курай, Туяхта), где основное захоронение совершено по обряду труположения, а сопроводительные — по обряду трупосожжения. А. А. Гаврилова предполагает возможность подобного способа погребения и в копенских курганах, в которых найдены также человеческие кости, относимые ранее к сопроводительному захоронению. По рассказам бугровщиков, ограбивших Копенский чаа-тас, записанным Г. Ф. Миллером, основное захоронение здесь было совершено по обряду труположения⁴¹.

Многообразие форм погребальных обрядов, а следовательно, и этническая пестрота Саяно-Алтая в этот период не позволяют говорить о непосредственных этнокультурных контактах тюрков и кыргызов как определяющих для этой территории.

Основная область расселения древних тюрков находилась в Монголии и только какая-то часть их осела в Туве. Разделенные политическими границами государства тюрков и кыргызов, местные племена по обе стороны Саянского хребта продолжали поддерживать самые тесные этнические связи, что и нашло отражение в смешанном характере погребального обряда, особенно в VIII в. Наконец имели место и прямые миграции, в результате чего, например, в Минусинской котловине появляются погребения с конем, ранее здесь никогда не встречавшиеся. Какая-то группа населения, очевидно с юга, перешла через Саяны в позднеташтыкское время

³⁸ Л. А. Евтюхова, Археологические памятники, стр. 40—46.

³⁹ А. Д. Грач, Археологические исследования в Кара-Холе и Могун-Тайге, — «Труды ТКЭАН», М. — Л., 1960, т. I, стр. 129—143, рис. 88.

⁴⁰ С. В. Киселев, Л. А. Евтюхова, Отчет о работах Саяно-Алтайской археологической экспедиции в 1935 году, — «Труды ГИМ», 1941, XVI, стр. 113, табл. II, рис. 2.

⁴¹ А. А. Гаврилова, Могильник Кудыргэ, стр. 65—66.

и продолжала жить в Минусинской котловине вплоть до VIII—IX вв., сохраняя свой традиционный обряд погребения. Это подтверждается и данными антропологии.

Антропологических материалов по самим кыргызам из-за обряда трупосождения нет, поэтому В. П. Алексеев имеющуюся серию черепов (около 30) относил к «коренному населению — кыргызским кыштымам». По его мнению, «в конце I тыс. происходит... изменение физического типа древнего населения Минусинской котловины... в направлении приближения к центрально-азиатскому типу». Подчеркивая однородность этой серии, В. П. Алексеев считает, что «либо кочевники восприняли на месте обряд трупоположения... либо пришлое население оказало большое влияние на физические особенности местного населения»⁴². Очевидно, первое предположение более правильно, только обряд трупоположения с конем пришлое население не переняло у местного населения, памятники которого, кстати, неизвестны, а принесли с собой из южных районов Саяно-Алтая, где этот способ погребения был наиболее распространенным.

Об этнокультурной близости племен Саяно-Алтая в древнетюркское время говорит и сходство основных форм сопроводительного инвентаря в погребениях соседних районов на различных хронологических этапах, и общая линия их развития, независимо от местонахождения в целом. В погребениях VI—VII вв. в Туве, на Алтае и в Минусинской котловине найдены длинные костяные накладки луков, стремяна с петельчатой дужкой, двудырчатые костяные псалии с однокольчатými удилами, округлые костяные пряжки. Орнаментация почти полностью отсутствует, и совсем не встречаются прорезные бляхи-оправы от наборных поясов. Тесно связанные еще с гуннской традицией (накладки луков, формы наконечников стрел, пряжек), эти памятники мало отличаются друг от друга и составляют ту основу, на которой вырастает в дальнейшем культура VII—VIII вв.

Вопрос внутренней хронологии памятников VII—VIII вв. является одним из самых сложных в древнетюркской археологии. К этому времени обычно относят подавляющее количество древнетюркских погребений. Типологически они помещаются между комплексами VI—VII вв. и более поздними, сrostкинскими, IX—X вв. По наличию или отсутствию ранних или поздних элементов в пределах закрытых комплексов можно предварительно разделить их на две хронологические группы.

⁴² В. П. Алексеев, Палеоантропология Хакассии эпохи железа, — Сб. МАЭ, XX, 1961, стр. 273—278.

В первой группе, близкой к памятникам предшествующего периода, продолжают жить однокольчатые удила и костяные, двудырчатые псалии, но уже в эти отверстия часто вставляется железная скоба. Одновременно появляются первые «8»-видные удила с «S»-видными псалиями. Стремена остаются прежними, но более часты находки стремян с пластиной. Здесь впервые появляются поясные бляхи-оправы простых форм, но орнамента по-прежнему мало.

Вторая группа памятников VII—VIII вв. содержит ряд предметов, встречающихся в памятниках кыргызов за Саянами уже после 840 г., что и является для них *terminus ante quem*. Судя по большому количеству параллелей в поздних кыргызских трупосождениях Тувы, эта группа может относиться ко второй половине VIII в.—первой половине IX в., т. е. синхронна времени существования уйгурского каганата в Центральной Азии. В одном случае вещи, характерные для этой группы памятников, были встречены вместе с сосудом, имеющим уйгурскую надпись⁴³. Из предметных серий поздней группы памятников необходимо отметить серебряные сосуды определенных форм (табл. I, 24—26), прорезные бляхи оправы, тройники (табл. I, 13—15), подвесные сердцевидные бляхи (табл. I, 19—23), стремяна с высокой пластинкой-лопаткой (табл. I, 1—3), пряжки с язычком на вертлуге (табл. I, 10—12), «S»-видные псалии с завершением в виде сапожка, витые «8»-видные удила (табл. I, 4—9), овальные бляшки с рельефным краем (табл. I, 16—18) и др.

Памятники второй группы распространены по всей территории Саяно-Алтая, причем в них совпадают не только типы вещей, но и приемы их стилистического оформления. Независимо от местонахождения и обряда погребения в этих комплексах наблюдается устойчивый набор предметов. В это же время появляются и смешанные комплексы, сочетающие трупоположение и трупосождение в различных вариациях. Кыргызские вещи в памятниках второй группы отличаются разнообразными растительными орнаментами, но и в орнаментации некоторых поясных наборов Тувы и Алтая также использованы мотивы растительного характера. Единство материальной культуры в этот период представлено наиболее полно и отражает как единый процесс сложения южносибирской культуры, так и возросшие связи между различными районами Саяно-Алтая в VIII—IX вв.

Определение хронологии этой группы памятников позволяет объяснить это явление и с исторической точки зрения.

⁴³ А. А. Гаврилова, Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов, — КСИА, 1968, 114, стр. 24—30.

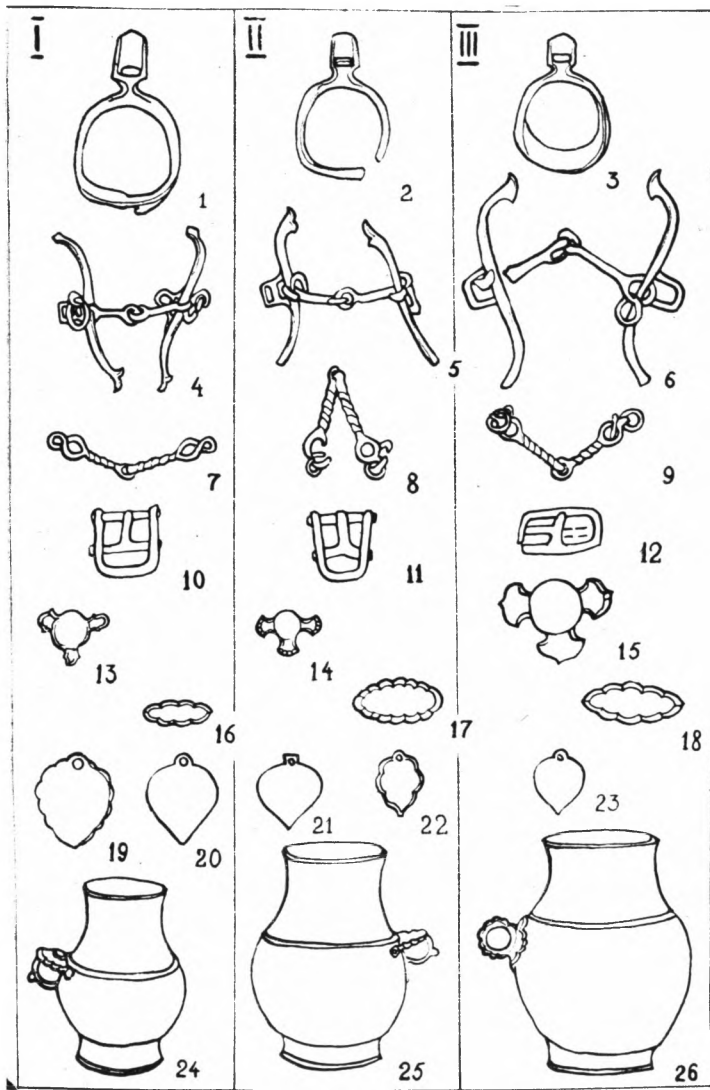

Таблица I

I — Минусинская котловина, II — Тува, III — Алтай
 1, 10, 16, 19, 24 — Копены (по Л. А. Евтюховой); 4, 13, 20 —
 Капчалы I (по В. П. Левашовой); 7 — Уйбат (по Л. А. Евтюховой);
 2, 5, 11, 17 — Монгун-Тайга (по А. Д. Грачу); 8, 14 — Саглы (по
 А. Д. Грачу); 21, 22 — Джаргаланты, Монголия (по Л. А. Евтюхо-
 вой); 25 — Центральная Тува (находка автора); 3, 9, 12, 15, 18, 26 —
 Курай (по С. В. Киселеву и Л. А. Евтюховой), 6 — Катанда (по
 А. А. Гавриловой), 23 — Северный Алтай (по А. П. Уманскому)

С падением Второго каганата южная часть Саяно-Алтая вышла из подчинения государству древних тюрков. Уйгуры, захватившие власть в Центральной Азии после 745 г., были народом чуждым как для кыргызов Среднего Енисея, так и для местных племен и остатков древних тюрков в южных районах Саяно-Алтая. Обладая развитым земледелием, они имели оседлые поселения, строили города. Материальная культура их была совершенно иной. Подчинив чиков, уйгуры возвели вдоль Саянского хребта ряд оборонительных крепостей не только против кыргызов, которые продолжали жить за Саянами, но и для защиты от местного населения⁴⁴. Очевидно, в этом единении тюркоязычных народов Саяно-Алтая против уйгуров и возросли этнические и культурные связи кыргызов и прежних подданных Тюркского каганата, выразившиеся в смешении погребальной обрядности и сложении единого культурного комплекса, представленного памятниками второй группы. Началась длительная позиционная война, закончившаяся в 840 г. победой кыргызов. Кыргызы перешли через Саяны и перенесли свою ставку в Северо-Западную Монголию, к подножию Танну-Ола. Тем самым политическая граница по Саянам была сломана и произошло давно подготовленное в этническом и культурном отношении объединение тюркоязычных народов Саяно-Алтая в пределах единой историко-этнографической области.

⁴⁴ С. И. Вайнштейн, Средневековые оседлые поселения и оборонительные сооружения в Туве, — УЗТНИИЯЛИ, 1959, т. VII; Л. Р. Кызласов, Средневековые города Тувы, — СА, 1959, № 3, стр. 66—75; его же, История Тувы в средние века, стр. 56—87.